

DOI 10.25688/2078-9238.2020.34.2.03

Феноменология детства и войны. Интервью с Э.А. Баграмовым, Б.Н. Бессоновым, Е.И. Хавановым

«Феноменология детства и войны» — так мы назвали интервью с крупнейшими учеными, преподавателями Института гуманитарных наук МГПУ: д-ром филос. наук Э.А. Баграмовым, д-ром филос. наук Б.Н. Бессоновым, д-ром ист. наук Е.И. Хавановым, чье детство пришлось на время Великой Отечественной войны. Какими запомнились военные годы, что осталось в детской памяти, что было самым ярким образом в далеком военном детстве? Память, тем более детская, не может быть описана как последовательный ряд событий. Она всегда личностна, ситуативна. Полагаем, что данная публикация даст нашим читателям материал для размышлений, и благодарим Эдуарда Александровича, Бориса Николаевича и Евгения Ивановича, а также магистранта СТК МГПУ Павла Лакаева, взявшего у них интервью.

От редколлегии журнала

— Эдуард Александрович, каким вы запомнили свое детство, выпавшее на начало Второй мировой войны?

— Свой рассказ я начну с отца. Он человек интересной судьбы, прошел красноармейцем всю Гражданскую войну. Потом осел в Украине, в городе Днепропетровске. Там женился. Там окончил горный институт. Стал горным инженером. Вскоре его отправили в Москву на строительство первой очереди метро. Был 1933 год. Мои первые воспоминания связаны с некоторыми эпизодами строительства метро. Москва — город, в котором прошло становление моей жизни. Отца отправили на Донбасс, где он работал главным инженером. Потом в Днепропетровск, большой промышленный город. Там отец был начальником цеха крупного оборонного завода. Еще во время Гражданской войны он получил ранение, поэтому в армию его не призвали. Для моей мирной семьи этот период было относительно спокойным. Правда, случались переезды. Помню, как отец приходил домой весь черный от сажи: в шахте он тоже бурил, а не только исполнял обязанности инженера. Я учился в школе, закончил три класса. Война была совершенно неожиданным явлением для нас. Помню, утром мы разбудили отца, говорим, что война началась. А он отвечает: «Не будите меня. Это все шутка, шутка». Ведь за неделю до этого, 15 июня, передавали очень серьезное, официальное сообщение ТАСС, в котором опровергались всевозможные домыслы о якобы существующей угрозе нападения. То есть все спокойно — так это было представлено органами массовой информации.

— *А как вы, будучи ребенком, воспринимали войну?*

— Сама война мне, как ребенку, представлялась, с нашей стороны, сплошным подвигом. Мы тогда пели песни: «Броня крепка, и танки наши быстры». Были сильные впечатления от защиты озера Хасан нашими. Складывалось такое впечатление, как пелось в песне «Если завтра война...». Ведь и правда. Чужой земли мы не хотели ни пяди, но и своей вершка не отдадим. Была уверенность, что к нам никто не сможет проникнуть.

Ну а вскоре уже началось... Война началась 22 июня. Через две недели звучали сигналы воздушной тревоги. Была бомбардировка тех мест, которые считались стратегически важными (например, мост через Днепр, это очень широкая река). Некоторые предприятия бомбили. Все, от мала до велика, вышли копать щели (типа окопов). Такие укрытия могли защищать от осколков во время бомбежки. Как только все начиналось, люди прятались в щели. Иногда сидели в подвале подъезда. Полтора месяца мы жили в таких условиях.

Днем объявляли воздушную тревогу. А иногда и ночью. Значит, поднимали ночью несколько раз, будили. Нужно было выходить. И еще одно впечатление от начала войны, драматическое. В Днепропетровске был проспект Карла Маркса — красивая, прямая улица, протяженностью семь километров. Будучи мальчишкой, я ехал со своим товарищем в трамвае по проспекту. У нас разгорелась дискуссия. Начало войны, фашистские войска продвигались. Мы все обсуждали, что будет. Но была твердая уверенность, что все это временно, что врагу немедленно будет дан отпор.

Помню, во время разговора со своим товарищем на площадке трамвая я активно, очень красноречиво доказывал, что наша армия сильнее. Народу вокруг было немного, рядом стоял человек в темном. Видимо, какой-то приезжий. Причем приезжий темный, у него было восточно-европейское лицо. Я подумал, что он румын. Он очень зло смотрел на нас, когда мы говорили. Я помню, что он глядел на меня зло. Мы гордились Советской армией. А этот человек, так сказать, имел противоположные настроения. Так что нельзя было сказать, что все мы едины, такого единства не было. Но самое главное впереди. Трамвай начал тормозить, дверь открылась, и в этот момент приезжий человек совершенно неожиданно резко выскочил из вагона да так, что меня свалил оттуда. Я падаю на рельсы между первым и вторым вагоном и понимаю только одно, что трамвай все еще идет. И вдруг военный человек, который ждал посадки, выдергивает меня буквально с рельс. Трамвай останавливается. Тот, который меня толкнул, бесследно исчез. Он толкнул меня сознательно. У военного я успел рассмотреть только то ли два кубика, то ли три кубика на петлице, лейтенант или старший лейтенант. Белокурый молодой человек. И он тут же, видимо, сел в трамвай и уехал. Я опешил. Человек спас жизнь. Буквально спас жизнь. Он меня за плечи схватил и тут же в мгновение выдернул. Подлинная реакция военного человека. Нужно сказать, что тогда спортивная подготовка была неплохая. Вот как в стихотворении С. Маршака: «Ищет пожарный, ищет милиция, ищут фотографы в нашей столице, ищут давно, но не могут

найти, парня какого-то, лет двадцати»¹. Он совершил подвиг и исчез. Я на всю жизнь сохранил благодарность военному человеку, воину Советской армии. То, что я сейчас рассказываю, никому раньше не рассказывал. Это было первое столкновение с реалиями жизни. До этого жили относительно спокойно.

— Когда вы эвакуировались из Днепропетровска? Куда вы направились потом?

— Оборонный завод, на котором работал отец, должны были эвакуировать. За 12 дней до того как туда вступили немцы, мы покинули Днепропетровск. Мы эвакуировались. Состав был полон станков с завода. Там же мы расположили некоторых работников, жителей, которые уезжали. Моему отцу, как начальнику цеха, поручили перевозить оборудование. Среди станков находилась наша семья и еще семья заместителя по цеху. Это происходило в ночь на 13 августа. Большой мост постоянно бомбили. Поезд шел медленно. Когда мы переехали берег Днепра и едва миновали станцию, я заметил, что за нами идут взрывы. То есть уже бомбили станцию, но наш состав успел проскочить раньше. А через 12 дней город был взят. Три недели мы ехали на Урал. И на станциях стояли очень долго, иногда и целый день. Мы, мальчишки, помню, ходили, этикетки собирали. Чем-то нужно было заниматься.

— Расскажите о самых интересных эпизодах, произошедших с вами, пока вы ехали.

— Вот один эпизод, характеризующий сложность и напряженность обстановки. Скажу как есть: некоторые моменты надо понять правильно. Когда мы проехали мост, к нам в вагон попросилась одна семья. Двое их было. Так, в летах. Семейная пара. Пустите, говорят. Отец отвечает: «Конечно, только негде. Есть место около двери». Вагон товарный. Их пустили на то место, где дверь распаивается. Вот они и сели с маленькими узелками около двери. А сидеть и то негде было. На одной из следующих станций группа рабочих подошла и попросила, чтобы мы приняли еще одну семью. Мы то были в глубине вагона. Вела разговор вот эта пара. Пожилого человека звали Эммануил Соломонович. Он беседовал с рабочими. И говорит им, что пустить некуда, а рабочие все равно настойчиво просили пустить.

Разгорелся спор. Народу подходило все больше и больше. Но действительно, сидеть было негде. Всюду машины, станки. Но рабочие уже требовали. Людей собиралось все больше и больше. Мы, дети, смотрели издали. Несмотря на возражение Эммануила Соломоновича, они стали втискивать этих людей. И, кажется, какие-то их пожитки. Эммануил Соломонович кричал: «Что вы делаете?». И тут, он, так высказался... Здесь необходимо сделать небольшое отступление. В тот момент, когда мы ехали на поезде, лагерь

¹ Маршак С. Рассказ о неизвестном герое. URL: <https://rustih.ru/samuil-marshak-rasskaz-o-neizvestnom-geroe/> (дата обращения: 10.04.2020).

противника уже обозначился. Так вот. Он сказал: «Что вы делаете, фашисты!». Он бросил слово «фашисты» в тех людей, которые втискивали силой пару. Это была роковая ошибка, ведь как можно называть наших советских людей «фашистами». Но он как-то в запальчивости... Услышав это, толпа перешла в состояние негодования. Толпа взяла Эммануила Соломоновича за ноги. Уже раздался истошный крик жены, т. е. испуганный. Еще мгновение, и судьбу Эммануила Соломоновича трудно было бы предсказать, потому что толпа была уже на взводе. Ведь он оскорбил их. Его уже готовы были разорвать, как вдруг мой отец, который был где-то в другой части, выскочил. И вот он так сумел найти правильные слова. Я помню, он крикнул: «Стоп». И сказал несколько слов. Я не могу их вспомнить. Они были сказаны в момент. Потом смотрю, публика отошла. Людей, конечно, взяли. Маленький житейский эпизод чуть не превратился в кровавую расправу. И только то, что отец нашел нужные слова, спасло этих людей.

Помню, еще до эвакуации, но когда война уже шла и немцы наступали, звонит заместитель отца (это рассказывал уже отец) и говорит: «Александр Артемович, приезжайте немедленно. Я тут заперся. Рабочие, которые не получили зарплату, окружили меня. Я не знаю, что делать. Приезжайте в цех. Как-то успокойте людей». Отец немедленно сел и приехал. И он успокоил людей. Вы представьте, военное время. Не на что жить. Все озлоблены и напряжены. С одной стороны — наступают немцы, с другой стороны — ожесточение. Отец нашел нужные слова. Но это надо было уметь.

Гитлер развязал войну под флагом антисемитизма. И когда Эммануил Соломонович оскорбил людей, мало ли что могло быть. Короче говоря, одно из орудий на Украине было разжигание антисемитизма. Это использовалось в стратегических целях. Днепропетровск своеобразный город. Евреев насчитывалось около половины населения. В нашем классе из 37 человек — 17 евреев. И вот представляете, в этих условиях разжигание антисемитизма. А вообще, Днепропетровск был интернациональным городом. Мы никогда не чувствовали никакого отчуждения. Все дружили. Но война внесла коррективы.

— *Вы переехали на Урал. Что было дальше?*

— Да, мы переехали в Свердловск. Был голод. Получали по 400 граммов хлеба на карточку. Помню, как я в 8 часов утра вставал, чтобы отовариться хлебом на всю семью. Возвращался в 5 часов вечера. И пока шел домой, обгрызал кусок хлеба. Вот такая ситуация была. Как-то выживали. Родственники друг другу помогали. Трудный период был в военном плане. Осень сорок второго года и начало сорок третьего.

Школы были. Хорошее воспитание. Организованно все. Помню, как нас учительница собрала и говорит: «Обстановка тяжелая на фронте». Видимо, у нее кто-то из родных был на фронте. Гитлер уже прорвался в Сталинград. Вот судьба Сталинграда была критической. Если бы Сталинград пал, это было бы отчаянием.

Вот что я еще хочу рассказать. Это чисто мое восприятие. Не помню, какой месяц. 2 февраля 1943 года мы победили. А до этого почти весь город взяли немцы. Однажды был ясный день, я куда-то шел по проспекту мимо громкоговорителя. (Телевизоров не было, а громкоговоритель сообщал сводки и пр.) И слышу, идет трансляция стихотворения А.С. Пушкина. Оно было малоизвестным. Очень патриотическое, называется «Клеветникам России». Там есть такой куплет:

О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы².

В общем, идет речь о том, что противник поливает грязью Россию.

Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижимого Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..
Так высылайте ж к нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов [Там же].

И артист читал стихотворение с таким воодушевлением, с таким чувством это все говорил! Ощущался наступательный дух. Русские люди были уверены в своих силах.

Вы грозны на словах — попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постеле,
Не в силах завинтить свой измайльский штык?
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык? [Там же].

Вот это произведение Пушкина, которое раньше не особенно популяризировалось, может быть, в силу его воинственной, чисто патриотической направленности, не использовалось в учебном процессе, никогда не использовалось — ни до, ни после. Когда я услышал стих, исполненный артистом, у меня сразу поднялся дух. Через некоторое время было сообщение о победе под Сталинградом. Дальше ситуация менялась. Потом Курская битва.

² URL: [https://soulibre.ru/O_чём_шумите_вы,_народные_витии%3F_\(Александр_Пушкин\)](https://soulibre.ru/O_чём_шумите_вы,_народные_витии%3F_(Александр_Пушкин)) (дата обращения: 10.04.2020).

Газет, мы, конечно, не получали. В Свердловске мы жили недалеко от вокзала. Каждый день я ходил на вокзал, читал на стенде газету «Правда». С тех пор страсть читать прессу, свежие новости так и осталась. Как зарядку люди делают по утрам, я тоже ее делаю, так я должен обязательно прочитать и газету.

— *Когда вы вернулись из эвакуации?*

— Вернулись мы из эвакуации весной сорок четвертого года. В октябре сорок третьего Днепропетровск был освобожден. Мы вернулись в Днепропетровск. Отец работал на своем заводе в той же должности начальника цеха. Время было боевое. Воздушных тревог почти не было. Гитлер отступал. А весной исход войны был ясен. Народ восстанавливал город. Все включились. Я говорил про красавец-проспект Карла Маркса. Красивые дома вдоль семикилометрового проспекта были сожжены. Мы, как рабочий люд, помогали. Подходили к дому и смотрели на стоящую перед ним табличку. Если на ней было написано: «Мин нет», мы приступали к работе: выносили все, что нужно было вынести, чтобы освободить дом.

Меня и брата послали в село, так как некому было собирать урожай. За два месяца мы освоили все сельскохозяйственные работы, научились использовать молотилку и пр. Приходилось все делать самим, потому что других людей не было. Все держалось на патриотическом энтузиазме. Мне было 14 лет. А работа довольна тяжелая физически, не для детей. Приходилось и работать, и учиться, и все это как-то сочетать. Сталинский период политически тяжелый. Но настроение в конце войны и после нее было высокопатриотическое.

Вот еще один интересный эпизод про газеты. Так как не было сигарет, курили махорку, закручивали ее в газеты. При этом существовало негласное правило среди солдат: не использовать для этих целей выступления Сталина и публициста, писателя Ильи Эренбурга. Однажды он написал статью под заголовком «Убей немца», в которой обращался к солдатам. В то время наши воины переходили границу Германии и других стран. «Немец» навел разруху, причинил страдания, вот его и нужно убить, потому что он заслужил это. Через день или два академик Александров, философ (я, кстати, познакомился с ним, когда поступал в аспирантуру), написал статью о том, что не надо упрощать, что убиваем мы не немцев, а фашистскую власть, и что не надо национальную ненависть пропагандировать. И я хочу сказать, этот момент был всегда под пристальным вниманием. В годы войны имели место серьезные нарушения национальной политики. Были репрессии крымских татар. Это серьезный, непростительный грех. Но тем не менее национальная политика учитывала и те моменты, о которых я рассказал. В такой многонациональной стране сохранить внутренний мир, даже в самые тяжелые времена, все же удавалось. Не довели народ до такого буйства, как в той истории на станции.

— *Какое воспитание было в то время? Чем вы вдохновлялись?*

— У нас было интернациональное воспитание. На меня лично оказали большое влияние подвиги Зои Космодемьянской и молодогвардейца Олега Кошевого. Мы очень любили «Молодую гвардию» Фадеева. Мы воспитывались на живых примерах. С молодогвардейцами, которые уцелели, мне довелось встречаться даже в школе. Так что воспитание шло на положительных примерах. Сейчас ведется воспитательная работа, но она не очень живая. А тогда вот действительно работа была всерьез, потому что она основывалась на живых примерах патриотизма. Поэтому чувства коллективизма и патриотизма были привиты с детства и все время укреплялись. И это наложило хороший отпечаток на наши судьбы.

— *Борис Николаевич, сколько вам было лет, когда началась Великая Отечественная война?*

— Я родился в Перми в 1936 году, и на момент начала Великой Отечественной войны мне исполнилось только 5 лет.

— *Вы помните тот день, когда началась война?*

— Я был ребенком, и начало войны совершенно не помню. Но помню, как она закончилась. Я шел в школу. Был теплый день. Мы тогда радовались каждому дню и особенно хорошей погоде. И тут навстречу мне идет толпа ребят. Смеются, размахивают фуражками и кричат: «Победа! Победа!». Со школы нас тогда отпустили. Мы побежали домой. Невероятное счастье. До сих пор помню радостные слезы родных. Знаете, стало легче и спокойнее.

— *Вы сказали, что родились в Перми. Какое главное воспоминание о Перми осталось в вашем сердце?*

— Всякий раз, вспоминая Пермь, я вспоминаю свою школу и свою бабушку. Главным блюдом, которое мы, дети, очень любили, была пропитанная чесноком и посыпанная солью горбушка хлеба. Такая вкуснятина, как сейчас помню. В школе нам выдавали полбуханки хлеба на двоих с товарищем. Мы шли в магазин и просили вот эту половинку буханки разрезать еще на две половинки, чтобы мне и ему досталось поровну. Затем искали чеснок, просили соль, у кого она была. А потом медленно ели, наслаждаясь каждым кусочком. Этому рецепту меня научила бабушка. Она жила в Оханске — деревне, находящейся в ста километрах от Перми, и мы к ней иногда приплывали на пароходе. Помню, как между Пермью и Оханском пароход останавливался возле города Краснокамска, где был расположен бумажный комбинат. Пленные немцы грузили на палубу парохода огромные рулоны бумаги. Причем эти рулоны были больше человеческого роста. У немцев голос строгий, командный. И главное, все — здоровые. Я этих немцев очень боялся, прижимаясь ко всяким частям парохода, к которым можно прижаться, чтобы затаиться от них, спрятаться. Я же знал, что война была страшная. А Пермь, город как город, провинциальный, но уже тогда он был промышленно развитый.

— *При одной личной беседе вы сказали, что видели японцев. Разгромили их еще в августе 1945-го, но есть отдельные сюжеты, в которых упоминаются бои с японцами осенью и зимой 1946 года.*

— Да, помню японцев. Урал — холодное место. Явно не для них. Жалкие были люди. Помню, как они сидели, скученно сбившись, в полуторке. Им тесно. Они дрожат, замерзают. А по углам — солдаты с винтовками, с примкнутыми штыками. Страшное зрелище.

— *Ну и в заключение не могли бы вы рассказать о своем самом любимом предмете в те годы, о любимой учительнице, любимых книгах?*

— Вы знаете, во 2-м и 3-м классах все предметы кажутся одинаковыми. Школу свою вспоминаю с уважением и любовью. Там царил атмосфера добра. Наверное, благодаря Лидии Васильевне Ивановой. Она была эвакуирована из Ленинграда. Невероятная женщина. Столько в ней было силы. В 9-м и 10-м классах, могу сказать, я любил русский язык и литературу. Читать любил всегда. Вот что хорошего было во мне — я всегда любил читать. Любимые книги: «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого и «Как закалялась сталь» Н. Островского. Эти книги сильно поддерживали в те дни.

— *Евгений Иванович, где вы родились и сколько вам было лет, когда началась Вторая мировая война?*

— Когда началась война, мне было 6 лет. Я родился в Ульяновской области. В возрасте двух лет я переехал в Жадовку, где отец был главным агрономом. Наш дом находился в отделении совхоза. Я там ездил на лошади, на бычке. Бычок был маленький, добрый. А 2 мая 1945 года у одной лошади родился жеребенок, его назвали Берлин.

— *Чем вам запомнилась школа?*

— Мы учились в маленькой школе. Всего три класса, в котором насчитывалось 10 человек. Все сидели вместе, в одном кабинете. Занятия вела моя мама, Юлия Сергеевна. В школе было интересно. Мама, правда, никогда пятерок не ставила. Помню, нужно было сдавать выпускные экзамены по всем предметам, кроме естествознания. Сдавали в большой школе. Так вот, в той большой школе я сдал все на одни пятерки. Поэтому в аттестате все были оценки «отлично», кроме естествознания. Грамоту я так и не получил. После школы играли в войну. Один конец на другой конец. Воевали так. Я командовал группой ребят.

— *А почему мама была таким строгим экзаменатором?*

— Не знаю, не знаю. Это ее принцип. Чтобы не разбалтывать, наверное. Мой младший брат пошел в школу, когда я уже учился в 3-м классе. Он всех этих школьных правил не знал. И бывало, посреди урока начнет говорить: «Мама, мама». Видимо, чтобы пожалела. Бывало, что другие дети тоже ее мамой называли. Я уже был в 3–4-м классе и вообще старался избегать этого слова. Мама говорила, что запрещать детям ее «мамой» называть она не может.

— *Какие у вас были увлечения?*

— Мама научила меня играть в шашки. В 1947-м ее не стало. В 1943 году отец пропал без вести. В 1949 году я закончил семилетку. Меня, старшую сестру и младшего брата распределили по разным семьям. Я попал к деду, колхознику. Тогда колхозники жили лучше, чем все остальные. Дед всегда ел хороший хлеб, без картошки, без всяких примесей — пекли его сами. Он не знал, куда меня деть. Я был отличником. Ровесники уходили служить, тогда это было модно. В итоге я поступил в нефтяной техникум в Сызрани. Там давали стипендию, и это решило мою судьбу. Общежитие находилось на Советской улице. Жил я на третьем этаже. Пригодилась игра в шашки. Тем, кто выигрывал, давали прибавку к стипендии. А вообще, как у нас говорили, когда стипендию получил, полагалось угощать пивом.

— *Расскажите о самых ярких событиях тех дней.*

— Я помню, что был самый молодой в группе. Ростом меньше всех. В общежитии в основном жили особо нуждающиеся. Стипендии не всегда хватало. Помню, как 2–3 дня перед стипендией приходилось не кушать.

— *Совсем не кушать?*

— Да. И удивительно так: когда не ел день, а потом кусочек хлеба где-то достал и он оказался во рту, прямо как-то сразу силы появляются. Я помню, был неурожай. Плохо было с хлебом. Ночью стояли огромные очереди. Денег ни у кого нет, а кушать хочется. И был такой трудный момент, вдобавок еще стипендию не дали. Тогда мы собрали мелочь, у кого какая была. Набрали. И возникла идея пойти в эту очередь (она растянулась квартала на два) и прямо попросить пройти без очереди. У нас хватало где-то на полкирпича. В нашей комнате жили восемь человек. У одного парня такая жалостливая физиономия была: вот его и послали. Он подошел к первому в очереди и говорит: «Можно пройти, пожалуйста, я два дня не ел ничего». И все сразу: «Ой, конечно, проходи». Такая вот физиономия у человека была. Тяжело жили, но дружно. Если кто-то из деревни приедет, сразу кричит: «Кто есть хочет?» Такое братство было. К стипендии прибавлялись деньги в основном за счет шашек. Научила меня играть в шашки мама. Пока жил в деревне у деда, набил руку. Развлечений в общежитии не так много, вот мы и играли постоянно в шашки, да и техникум спортивный. У нас была сильная шахматная команда.

— *А на что вы играли?*

— В основном на мелочь, на пиво, иногда просто так. Другое дело — турнир. У нас были таблицы. Я так поднаторел. Быстро дошел до 2-го разряда по шашкам. В 16 лет уже стал судьей по шашкам. У меня был даже зеленый значок. Играем в шашки. И вот набирается к стипендии. Помню, был у нас один парень, скуповатый такой. Он мне должен был 20–30 кружек молока за все игры. Как-то он приехал из деревни: картошечки привез, сала привез. Все это на сковородке пожарил, принес в комнату. На стол поставил. Сел.

И я говорю ему: «Давай пять партий сыграем, и если ты хоть одну ничью сделаешь, то с тебя все долги списываются, но если я все партии выиграю, ты мне треть сковороды картошки даешь». Он соглашается. И я все партии выигрываю. Иногда партии доходили до драк.

— *Вы участвовали в турнирах?*

— Конечно. Помню, проводили областной турнир в Сызрани. Попросили меня судить. А там платили за судейство деньги. За игру участникам давали талоны на питание, на которые три раза можно было покушать. Турнир продолжался примерно неделю. Судье около 10 рублей в день платили. Организатор — хороший мужик попался. Я работал по 2 часа на турнире, а он переправил мне на 8, чтобы больше платили. И давал талоны на питание.

— *И в заключение, пожалуй, самый главный вопрос. Когда у вас появилась любовь к истории?*

— Я учился в 3–4-м классе. Сестра в 6–7-м классе училась. Я ее учебники по истории читал. Помню, была такая ситуация. Просыпаюсь ночью, иду попить воды. Останавливаюсь. Стою. Сколько стою, не помню. Просыпается мама. Видит меня. Спрашивает: «Ты чего стоишь?». А я говорю: «Мама, им земли надо». Она спрашивает: «Кому?». Я отвечаю: «Помещикам». Вот. Был впечатлительным в детстве. В детстве на меня повлияла книга Катаева «Сын полка». Книг было не так много во время войны. Когда появлялись какие-то книжки — это всегда событие. Мама где-то их доставала. Все в тоненькой мягкой обложке. Я много читал, особенно военные книжки. В классе кто-то сделал маленькую инсценировочку. Поставили ее. Я играл Ваню Солнцева, сына полка. Вот так!

Интервью провел П.В. Лакаев